

Лекция 12. Управлять согласно государственному интересу: полиция

29 марта 1978 г. Вторая технологическая система нового искусства. Управлять согласно государственному интересу: полиция. Традиционные значения слова до XVI века. Его новое значение в XV–XVIII веках: расчёт и техника, позволяющие обеспечивать правильное использование сил государства. — Тройственное отношение между системой европейского равновесия и полицией. — Различие положения дел в Италии, Германии, Франции. — Тюрке де Майерн. Аристократическая монархия. — Контроль деятельности людей как основополагающий элемент силы государства. — Объекты полиции: (1) численность граждан: (2) жизненные потребности: (3) здоровье: (4) ремёсла: (5) сосуществование людей. — Полиция как искусство управлять жизнью и благодеянием населения

У меня будет ещё одна плохая новость для вас, но об этом я вам сообщу в конце... Теперь это новое искусство управлять, то, которое, как я вам пытался показать, стало — это первый

пункт — одной из функций, атрибутов или задач правления, которое, как я вам пытался показать, находит основополагающий принцип своего расчёта в государственном интересе, это новое искусство управлять (и это я пытался вам показать в предыдущий раз), я считаю, что самое существенное в его новизне зависит не от этого, а от другого. То есть это искусство управлять, которое, очевидно, уже давно намечалось, теперь речь уже не идёт — в конце XVI — начале XVII века — речь уже не идёт о том, чтобы ему, согласно древней формуле, соответствовать, приближаться, оставаться подобающим сущности совершенного управления. Теперь искусство управлять состоит не в том, чтобы восстанавливать какую-то сущность, или оставаться ей верной, теперь оно состоит в том, чтобы манипулировать, поддерживать, распределять, восстанавливать соотношения сил в пространстве конкуренции, подразумевающим конкурентный рост. Иными словами, искусство управлять разворачивается в области соотношения сил. И именно это, я считаю, и является единственным главным новшеством этого искусства управлять.

Разворачиваться в области соотношения сил — конкретно это означает внедрять две главные политические технологии. Одна, о которой я вам рассказывал в прошлый раз, образована процедурами, необходимыми и достаточными для того, что уже называют в эту эпоху балансом Европы, европейским равновесием, то есть в целом это метод, заключающийся в том, чтобы организовывать, обустроить межгосударственную композицию и компенсацию сил и делать это благодаря двойному инструментарию: с одной стороны, благодаря дипломатическому инструментарию, постоянной и многосторонней дипломатии, с другой — благодаря организации профессиональной армии. Вот первая главная технологическая характеристика нового искусства управлять в конкурентной области сил.

Вторая главная технология, та, о которой я вам буду рассказывать сегодня, это то, что в ту эпоху называют «полицией», которая, как подразумевается, имеет весьма мало общего — один или два элемента, не больше — с тем, что с конца XVIII века следует называть полицией. Иначе говоря, с XVII и до конца XVIII века слово «полиция» имеет значение, совершенно отличное от того, то мы понимаем под ним сегодня. [1] По поводу этой полиции я хотел бы сделать три замечания. Во-первых, разумеется, о значении слова. Скажем, в XV, в XVI веке вы уже часто находите это слово «полиция», которое в этот момент обозначает определённое число предметов. Прежде всего «полицией» называют форму общности или объединения, которым управляла публичная власть, что-то вроде человеческого сообщества, над которым осуществляется что-то подобное политической власти, публичной власти. Вы легко найдёте ряд выражений, перечислений наподобие этого: государства, княжества, города, полиции. А также вы часто находите связанными два слова: республика и полиция. Нельзя сказать, что семья — это полиция, нельзя сказать, что монастырь — это полиция, потому что здесь недостаёт признака публичной власти, которая бы над ними осуществлялась. Но тем не менее это разновидность общества, относительно слабо определённого, это нечто публичное. Такое использование слова «полиция», в этом значении, продолжается на практике до начала XVII века. Во-вторых, все в том же XV и XVI века, «полицией» называют совокупность актов, которые относят управление этими сообществами к публичной власти. Так, вы находите почти традиционное выражение «полиция и режим», где «режим» используется в значении способа регулирования, способа управления и связывается с «полицией». Наконец, перед вами и третье значение слова

«полиция», которое просто является результатом, положительным и ценным результатом правильного управления. Вот в целом три в какой-то степени традиционных значения, которые встречаются до XVI века.

Мне кажется, что с XVII века слово «полиция» начинает принимать значение, которое имеет довольно глубокие различия. Я полагаю, что их можно резюмировать следующим образом. С XVII века начинают называть «полицией» совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, поддерживая строй этого государства. [2] Иными словами, полиция — это расчёт и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил. Имеется, впрочем, слово, которое почти охватывает этот объект, эту область, которое обозначает это отношение между ростом сил государства и его строем. Это довольно странное слово, оно встречается много раз и характеризует объект самой полиции. Вы найдёте его в начале XVII века в тексте, о котором я уже имел случай вам упомянуть, тексте Тюрке де Майерна, который носит весьма любопытное название «Аристократическая монархия», тексте 1611 года. [3] Вы обнаружите его через сто пятьдесят лет в немецком тексте Хохенталя, в 1776 году [4] И это слово — это просто «величие».

Полиция — это то, что должно обеспечить величие государства. Тюрке де Майерн в 1611 году говорил: «Всё, что может придать украшение, форму и величие городу», именно этим и занимается полиция. [5] И Хохенталь в 1776 году говорит, точно воспроизводя, впрочем, традиционное определение: «Я принимаю определение тех, кто называет полицией совокупность средств, служащих величию всего государства и счастью всех граждан». [6] Величие, что же это такое? Это одновременно и очевидная красота строя, и блеск силы, которая обнаруживает себя и сияет. Полиция — это, следовательно, искусство величия государства как видимого порядка и блистающей силы. Более аналитическим является тот тип определения полиции, который вы обнаруживаете у того, кто в конечном счёте был самым главным теоретиком полиции, у немца, которого звали фон Юсти, [7] и который в «Общих началах полиции» в середине XVIII века дал такое определение полиции: это совокупность «законов и правил, касающихся внутренней жизни государства и стремящихся укрепить и увеличить могущество этого государства, стремящихся достичь правильного использования его сил». [8] Правильное использование сил государства — это цель полиции.

Второе замечание, которое я хочу сделать, состоит в том, что между тем определением полиции, которое является традиционным, каноническим в XVII-XVIII веках, и проблемами равновесия баланса Европы весьма тесные, как вы видите, связи. Прежде всего морфологическая связь, поскольку в чём, в сущности, состояло европейское равновесие, эта техника военно-дипломатического баланса? В том, чтобы сохранить равновесие между различными многообразными силами, каждая из которых росла согласно своему собственному закону. Полиция также является, хотя и в противоположном смысле, определённым способом обеспечить максимальный рост сил государства, одного государства, сохраняя его строй. В одном случае речь идёт о том, чтобы сохранить — и это главная цель — равновесие независимо от роста государства, и это проблема европейского равновесия; проблемой полиции будет: как, полностью сохраняя порядок в государстве, сделать так, чтобы его силы максимально росли. Первая связь, первое отношение,

следовательно, между полицией и европейским равновесием.

Во-вторых, отношение обусловленности, так как, очевидно, в этом пространстве межгосударственной конкуренции, которая весьма широко разворачивается в ходе XVI века, в конце XVI века и которая пришла на смену династическому соперничеству, в этом пространстве конкуренции, не конкуренции вообще, а европейской конкуренции между государствами подразумевается, что сохранение равновесия приобретает лишь в той мере, в какой каждое из государств способно обеспечить рост своих сил и в такой пропорции, чтобы его никогда не превосходили остальные. Действительно, сохранить баланс и равновесие можно лишь в той мере, в какой каждое из государств имеет верную полицию, которая позволит ему обеспечить рост своих собственных сил. И если развитие не проходит относительно параллельно для каждой такой полиции, то перед нами факты нарушения равновесия.

Каждое государство, чтобы не видеть, как соотношение сил оборачивается не в его пользу, должно иметь хорошую полицию. И мы вскоре подходим к следствию, в каком-то отношении парадоксальному и противоречивому, которое заключается в следующем: но в конечном счёте, если в европейском равновесии имеется одно государство, даже не моё собственное, которое, как оказывается, имеет дурную полицию, то перед нами феномен нарушения равновесия. И следовательно, необходимо заботиться о том, чтобы даже у других полиция была хорошей. Европейское равновесие начинает, следовательно, функционировать как в какой-то мере межгосударственная полиция или как право. Европейское равновесие даст право совокупности государств заботиться о том, чтобы полиция была хорошей в каждом из государств. Именно такой вывод и будет сделан явным систематическим образом, будет сформулирован в 1815 году в Венском договоре и в политике Священного Союза. [9]

Наконец, в-третьих, между европейским равновесием и полицией имеется инструментальное отношение в том смысле, что существует по меньшей мере один общий инструмент. Этот общий инструмент и для европейского равновесия, и для организации полиции, что он собой представляет? Это статистика. Чтобы равновесие действительно сохранялось в Европе, необходимо, чтобы каждое государство могло, с одной стороны, знать свои собственные силы, во-вторых, знать, уметь оценить силы остальных и, как следствие, сделать сравнение, которое позволит точно соблюдать и сохранять равновесие. Следовательно, имеется потребность в принципе расшифровки сил, образующих государство. Имеется потребность знать для каждого государства, и для своего и для других, какое имеется население, какая имеется армия, каковы природные ресурсы, какое имеется производство, какая торговля, какое денежное обращение — все элементы, которые действительно даны той наукой или, скорее, той областью знаний, которая открывается и обосновывается, развивается в этот момент, которая и является статистикой.

Итак, статистика, как же можно её установить? Можно точно установить её благодаря полиции, так как полиция, как искусство развития сил, сама предполагает, что каждое государство точно определит, каковы его возможности, его способности. Статистика становится необходимой благодаря полиции, но благодаря полиции она становится также и возможной. Так как это совокупность методов, внедряемых для обеспечения роста сил, для того, чтобы их комбинировать, их развивать, это вся в целом административная

совокупность, которая позволяет определить в каждом государстве, в чём заключаются силы, где имеются возможности развития. Полиция и статистика обуславливают друг друга, и статистика является общим инструментом и для полиции и для европейского равновесия. Статистика — это знание государства о государстве, понимаемое как знание государства о самом себе, но также и знание о других государствах. И именно в этом измерении статистика обнаруживается на рубеже обеих технологий.

Мог бы быть и четвёртый элемент существенного, основополагающего отношения между полицией и равновесием, но я попробую рассказать вам о нём в следующий раз. Это торговля. Оставим его пока.

Третье замечание, которое я хотел бы вам сделать, это следующее: дело в том, что этот проект полиции, во всяком случае идея, что должно быть в каждом государстве согласованное искусство обеспечивать рост сил, образующих это государство, этот проект не принимал, очевидно, одну и ту же форму, одну и ту же теоретическую конструкцию, он не придавал себе одни и те же инструменты в различных государствах. Тогда как элементы, о которых я вам до сих пор рассказывал, например теория государственного интереса или устройство европейского равновесия были в конечном счёте понятиями или устройствами, которые, разумеется, с видоизменениями, разделялись большинством европейских стран, то в случае с полицией всё происходило, я считаю, весьма различным образом, и мы не находим ни одинаковых форм размышления, ни одинаковых институтов полиции в различных европейских странах. Это, разумеется, следовало бы изучить в подробностях. Под видом рекомендаций и гипотез пунктиром, если угодно, об этом, я думаю, можно сказать.

Что касается Италии, то что там происходит? Весьма любопытно, насколько теория государственного интереса оказывается там развитой, насколько проблема равновесия была важной проблемой и как часто она комментировалась, тогда как полиция там отсутствовала. Она отсутствует как институт, а также как форма анализа и рефлексии. Можно сказать следующее: возможно, именно территориальная раздроблённость Италии, относительная экономическая стагнация, с которой она столкнулась с XVII века, политическое и экономическое господство иностранцев, присутствие также церкви как универсалистского и в то же время локализованного учреждения, доминирующего на полуострове и территориально закрепившегося в определённом месте Италии, всё это, возможно, и стало причиной того, что проблематика роста сил никогда реально не ставилась, или, скорее, она постоянно сталкивалась с преградой, создаваемой иной проблемой, доминировавшей в Италии, которой как раз и было равновесие этих множественных сил, ещё не объединившихся, и, может быть, и не способных к объединению.

В сущности, из-за большой раздроблённости Италии, проблема всегда заключалась прежде всего в композиции и компенсации сил, то есть в приоритете дипломатии. И проблема роста сил, этого конкретного, осмысленного, аналитического развития сил государства могла появиться лишь позже. Всё это было, несомненно, именно так до итальянского единства, и всё это, несомненно, оставалось таким же, когда итальянское единство было реализовано и когда образуется что-то вроде итальянского государства, государства, которое

действительно никогда не было государством полиции в смысле XVII–XVIII столетий, которое всегда было государством дипломатии; то есть совокупностью множественных сил, между которыми должно быть установлено равновесие, между партиями, профсоюзами, церковью, Севером, Югом, мафией и так далее — все это и служит причиной того, что Италия является государством дипломатии, а не государством полиции. И именно это, возможно, является причиной того, что что-то подобное войне или гражданская война, или квазивойна является постоянной формой существования итальянского государства.

В случае с Германией территориальное разделение парадоксальным образом производит совершенно иные следствия. Здесь, напротив, мы видим сверхпроблематизацию полиции, интенсивное теоретическое и практическое развитие того, чем должна быть полиция как механизм обеспечения роста сил государства. Следует попытаться определить причины, по которым территориальная раздробленность, которая в Италии порождает такое-то следствие, в Германии производит совершенно обратный эффект. Перейдём к причинам. То, на что я хотел бы вам просто указать, это следующее: дело в том, что можно подумать, что эти немецкие государства, которые были образованы, перестроены, иногда даже искусственно созданы в момент Вестфальского договора, в середине XVII века, эти немецкие государства создали настоящие маленькие микрогосударственные лаборатории, которые могли служить образцами и чем-то вроде площадок для эксперимента.

Мы видим, как между феодальными структурами, перестроенными по Вестфальскому договору, и парящей над Германией, над её территорией имперской идеей, если не уничтоженной, то ослабленной тем же самым Вестфальским договором, образуются пусть и не современные, но новые государства, занимающие промежуточное положение между феодальными структурами и крупными государствами, которые и создают особое привилегированное пространство для государственного экспериментирования. И эта лабораторная сторона оказывается, несомненно, усиленной следующим фактом: именно Германия, вышедшая как раз из феодальной структуры, никогда не имела того, что было во Франции, уже готовый административный персонал. То есть чтобы проводить такое экспериментирование, необходимо было создать для себя новый персонал. Этот новый персонал, где его собирались искать? Он был найден в учреждении, которое существовало по всей Европе, но которое в этой раздроблённой Германии, разделённой на католиков и протестантов, приобрело гораздо более важное значение, чем где бы то ни было, — это университет.

В то время как университеты во Франции не переставали утрачивать свой вес и своё влияние в силу определённого числа причин, которыми были как уровень административного развития, так и доминирующий характер католической церкви, в Германии университеты становились местами одновременно и для образования этих администраторов, которые обязаны были обеспечить развитие сил государства, и для размышлений над техниками, используемыми для роста сил государства. Отсюда тот факт, что в немецких университетах, как вы видите, развивается нечто такое, что практически не имеет эквивалента во Франции и что представляет собой *Polizeiwissenschaft*, науку о полиции, [10] эта наука о полиции, которая с середины, в крайнем случае с конца XVII века и до конца XVIII века, является безусловно немецкой специальностью, затем распространится по всей Европе и будет иметь весьма важное влияние. Теории полиции, книги о полиции,

справочники для администраторов, всё это даёт огромную библиографию *Polizeiwissenschaft* в XVIII веке. [11]

Во Франции, я считаю, мы имеем ситуацию, которая отличается и от итальянской, и от немецкой. Быстрое, раннее развитие территориального единства, монархической централизации, а также администрации было причиной того, что проблематизация полиции совершенно не происходила по тому теоретическому и спекулятивному образцу, который можно отметить в Германии. То есть, именно внутри самой административной практики полиция и замышляется, но замышляется без теории, замышляется без системы, замышляется без концепций, и, как следствие, практикуется, институционализируется через мероприятия, распоряжения, сборники указов, а также через критику, через проекты, исходящие совсем не из университетов, но от персонажей, которые слонялись возле администрации и либо были сами администраторами, либо желали туда войти, либо были оттуда изгнаны. Эти замыслы находим также у педагогов и, в частности, у педагогов принца: мы имеем теорию полиции, например, у Фенелона, [12] другую весьма интересную — у аббата Флери, [13] у всех тех, кто были наставниками дофинов. Поэтому вы не найдёте во Франции грандиозных зданий, подобных немецкой *Polizeiwissenschaft*, не найдёте даже этого понятия, которое было столь важным в Германии, понятия *Polizeistaat*, полицейского государства. Я его нашёл — разумеется, при определённых условиях оно было бы обнаружено, я считаю, и в других текстах, — но я его нашёл однажды у Монкретьена, в его «Трактате о политической экономии», выражение «полицейское государство», точно соответствующее *Polizeistaat* у немцев. [4]

Это относительно общей ситуации с проблемой полиции. Теперь вопрос: чем действительно занимается полиция, если верно, что её общей целью является рост сил государства при таких условиях, чтобы сам строй этого государства не только не подвергался бы опасности, но и усиливался? Я намерен обратиться к тексту, о котором вам уже говорил, весьма раннему тексту, поскольку он датируется самым началом XVII века, к тексту, который представляет собой что-то вроде утопии о том, что немцы непосредственно и называли *Polizeistaat*, полицейским государством, и для чего у французов не было подходящего слова. Эта утопия полицейского государства 1611 года была написана автором, которого звали Тюрке де Майерн, и в этом тексте, название которого «Аристократическая монархия», он начинает с определения полиции как «всего того, что должно (я уже цитировал вам этот текст) придавать украшение, форму и величие городу». [15] Это «порядок во всём, что можно увидеть» в городе. [16] Следовательно, полиция, взятая на таком уровне, как раз и есть искусство управления в целом. Искусство управлять и деятельность полиции — это для Тюрке де Майерна одно и то же. [17] Но если теперь мы пожелаем узнать, как в реальности действует полиция, тогда, говорит Тюрке де Майерн, было бы необходимо, чтобы в любом правительстве было четыре главные службы и четыре главных чиновника: [18] канцлер, чтобы заниматься правосудием, коннетабль, чтобы заниматься армией, и верховный интендант, чтобы заниматься финансами, — всё это были уже существовавшие институты — и вдобавок четвёртый главный чиновник, которым был бы, как он говорит, «хранитель и главный реформатор полиции». Какой была бы его роль? Его роль состояла бы в том, чтобы поддерживать среди народа «особую практику скромности, милосердия, лояльности, мастерства и рачительности». [19] Я вскоре к этому вернусь.

Теперь этот главный чиновник, который находится на том же самом уровне, что и канцлер, и не знает верховного интенданта, этот хранитель полиции — кому он отдаёт приказы в различных регионах страны и в различных провинциях? От этого главного хранителя полиции будут зависеть в каждой провинции четыре отдела, которые, следовательно, будут прямыми производными, прямыми подчинёнными хранителя полиции. Первый имеет название бюро полиции, это бюро полиции отвечает, во-первых, за воспитание и образование детей и юношей. Именно это бюро полиции должно будет заботиться о том, чтобы дети обучались грамоте и письменности, говорит Тюрке де Майерн, и речь идёт обо всём том, что необходимо, чтобы выполнять все обязанности королевства, о том, что необходимо, чтобы приучать к выполнению обязанностей перед королевством. [20] Они, очевидно, должны будут научиться благочестию, и, наконец, они должны будут изучить оружие. [21] Это бюро полиции, занимающееся обучением детей и юношей, должно будет заниматься также и профессией каждого. То есть когда образование закончено и когда молодой человек достигает возраста 25 лет, он должен будет явиться в бюро полиции. И там он должен будет сказать, какой вид занятий он желает иметь в своей жизни, будет ли он богатым или нет, пожелает ли он приобрести богатства или же пожелает просто наслаждаться праздностью. В любом случае о том, что он желает делать, он должен сообщить. И он будет занесён в регистр вместе со своим выбором профессии, своим выбором образа жизни, занесён раз и навсегда. И те, кто случайно не пожелают записаться в одну из рубрик — здесь я имею в виду тех, кому было предложено [22] — те, кто не пожелают записаться, те не должны быть отнесены к рангу гражданина, но должны рассматриваться «как людской сброд, как бродяги и бесчестные». [23] Вот что касается бюро полиции.

Рядом, то есть всегда под ответственностью, всегда под управлением этого главного чиновника, каким является главный реформатор полиции, находятся наряду с бюро полиции Другие полицейские отделы, а именно бюро милосердия. И бюро милосердия занимается бедными, разумеется, действительно бедными, которым будет предоставляться работа или которых будут принуждать брать работу, а также больными бедными и инвалидами, которым будут даны субсидии. [24] Это бюро милосердия занимается также здравоохранением во времена эпидемии и распространения заразных болезней, а также в любое иное время. Бюро милосердия будет также заниматься несчастными случаями, пожарами, наводнениями и всем тем, что может стать причиной обнищания, «которое ввергает семьи в бедность и нищету». [25] Пытаться помешать этим несчастным случаям, пытаться исправить их последствия и помочь тем, кто стали их жертвами. Наконец, функцией этого бюро милосердия остаётся предоставление денег, предоставление денег «мелким ремесленникам и труженикам», которые в этом будут нуждаться, чтобы продолжить своё ремесло, и причём таким образом, чтобы они смогли укрыться от «грабежей ростовщиков». [26]

Третье бюро, после, собственно говоря, полиции, милосердия, третье бюро занимается торговцами и регулирует (об этом я говорю весьма бегло) проблемы рынка, проблемы производства, способа производства. Это бюро должно оказывать покровительство торговле во всей провинции. [27] И наконец, четвёртое бюро, бюро области, занимается недвижимостью: следит, например, за тем, чтобы права вельмож чрезмерно не угнетали народ, заботится о закупках и о способе, каким закупают и каким продают основные блага,

следит за ценой этих продаж, ведёт регистр наследств, заботится, наконец, о королевских владениях и о дорогах, о реках, о публичных зданиях, о лесах. [28]

Итак, если рассматривать этот проект Тюрке де Майерна, то что мы видим? Мы видим прежде всего следующее: именно полиция, которая на определённом уровне отождествляется с правительством в целом, возникает — это её второй уровень, её первое уточнение по отношению к этой общей функции — как одна функция государства наряду с тремя другими, функциями правосудия, армии и финансов, которые были традиционными институтами. Традиционными институтами, к которым следует добавить четвёртый, которым и будет такое административное новшество, как полиция. Второе, что следует отметить, это когда Тюрке де Майерн определяет роль главного реформатора полиции. О чём он говорит? Он говорит, что этот реформатор должен заботиться о лояльности, о скромности граждан; следовательно, он имеет нравственную функцию, но он должен также заниматься богатством и трудолюбием, то есть тем способом, каким люди ведут себя относительно их богатств, относительно их способа трудиться, потреблять. Это, следовательно, смешение нравственности и труда.

Но то, что мне представляется наиболее важным и характерным, так это то, что образует самое сердце полиции, эти отделы полиции, о которых я вам говорил, когда мы рассматривали, чем они занимаются, чему они должны уделять внимание, следует отметить, что это образование, с одной стороны, и профессия, профессиональная подготовка индивидов; образование, которое должно сформировать их таким образом, чтобы они смогли иметь профессию, и затем какой профессии или во всяком случае какому типу деятельности они себя посвящают и какому обязуются себя посвятить. Следовательно, перед нами целая совокупность методов контроля, решений, принуждений, касающихся самих людей не в том смысле, что они имеют определённый статус, не в том смысле, что они собой представляют в социальном порядке, в социальной иерархии и структуре, но в том, что они что-то делают, в том, что они способны делать, и в том, что они обязуются делать на протяжении всей своей жизни. Сам Тюрке де Майерн, между прочим, отмечает: что важно для полиции, так это не различие между знатью и простонародьем, это не различие статуса, это различие в занятиях. [29]

И я хотел бы вам привести цитату из этого замечательного текста, который находится в начале, на первых страницах книги Тюрке де Майерна. Он говорит, по поводу работников полиции: «Я предложил руководящим работникам, — речь идёт о полиции, — в качестве их главного предмета человека, имеющего добродетели и пороки, чтобы они с детских лет вели его, как по лестнице, к совершенству, а затем, когда он достигнет определённого совершенства, удерживали его в границах истинной политической и общественной добродетели, чем бы он ни занимался». [30] Иметь «в качестве истинного предмета человека», «чем бы он ни занимался», в том смысле, что у него есть занятие, и что это занятие должно соответствовать его совершенству и способствовать, как следствие, совершенству государства — таков, как я полагаю, один из фундаментальных и наиболее характерных элементов того, что отныне понимается под «полицией». То, на что нацелена полиция, — это деятельность человека, но деятельность человека как имеющего отношение к государству. Скажем, что в традиционной концепции то, что интересуется суверена, что интересуется государя или общество, так это то, кем являются люди, являются по-своему

статусу или же по своим добродетелям, по своим внутренним, присущим им от рождения качествам. Было важно, чтобы люди были добродетельными, было важно, чтобы они были послушными, было важно, чтобы он не были ленивыми, но были бы трудолюбивы.

Достоинство государства зависело от достоинства элементов государства. Это было отношение бытия, это было отношение качества бытия, это было отношение добродетели. В этой новой концепции, которая теперь вызывает у государства интерес, речь уже не о людях, уже даже не об их тяжбах, как в государстве юстиции. Что вызывает интерес у государства, так это даже не их деньги, что характерно для государства налогов. Что характерно для государства полиции, что вызывает у него интерес, так это то, что делают люди, это их деятельность, их «занятия» (Слово между скобками в рукописи. М. Фуко замечает на полях рукописи: «См. Монкретьен, с. 27 (Монкретьен пишет: «Человек, более сведущий в делах полиции, — это не тот, кто карает суровыми наказаниями разбойников и воров, но тот, кто благодаря занятиям, которые он предоставляет тем, кто подлежит его управлению, предотвращает само их появление»). Трактат о политической экономии (1615), изданный Т. Функ-Брентано. Париж, 1899. — Прим. ред.). Цель полиции — это контроль и ответственность за деятельность людей в той мере, в какой эта деятельность может составлять особый элемент в развитии сил государства. Я полагаю, что здесь мы оказываемся в самом центре того, что составляет организацию государства, которое немцы называют полицейским государством, и которое французы, не называя его так, фактически установили. Благодаря проекту Тюрке де Майерна мы видим, на чем, в сущности, держится этот проект большой полиции. Это деятельность человека как конститутивный элемент силы государства.

Чем же конкретно должна быть полиция? Итак, она должна обеспечить себя в качестве инструмента всем тем, что необходимо и достаточно, чтобы эта деятельность человека эффективно интегрировалась в государство, в его силы, в развитие сил государства, и она должна делать так, чтобы государство могло взамен поощрять, направлять, определять эту деятельность таким способом, какой действительно полезен для государства. Одним словом, речь идёт о создании государственной полезности на основе и через деятельность людей. Создание общественной полезности на основе занятий, деятельности, на основе мастерства людей. Я считаю, что на основе этого, и схватывая самую суть этой столь современной идеи, можно легко вывести объекты, которыми полиция теперь намерена заниматься.

Во-первых, полиция будет заниматься, первая её забота — это численность людей, так как очень важно и в том, что касается деятельности людей, и относительно их интеграции в государственную пользу знать, сколько их имеется, и сделать так, чтобы их было бы как можно больше. Сила государства зависит от числа его жителей: этот тезис, очевидно, формулируется уже в Средние века и повторяется в XVI столетии, но в XVII веке он начинает принимать точное значение в той мере, в какой сразу же ставится проблема знания о том, сколько людей действительно необходимо и какое соотношение должно быть между количеством людей и протяжённостью территории, богатствами, чтобы сила государства могла возрастать наилучшим и наиболее верным способом. Тезис, утверждение, что сила государства зависит от числа его обитателей вы найдёте упорно повторяющимся в течении всего XVII столетия, в начале XVIII века, до его основательной критики и того нового

подхода к проблеме, который предпримут физиократы, но я беру текст конца XVII — начала XVIII века.

В примечаниях, которые были опубликованы и которые были заметками к урокам, которые он давал дофину, [31] аббат Флери говорил: «Нельзя осуществлять правосудие, вести войну, поддерживать финансы и так далее, если нет излишка живых, здоровых и миролюбивых людей. Чем больше их, тем легче остальное, тем могущественнее государство и принц». Ещё необходимо сразу же сказать, что вовсе не абсолютная численность населения важна, а её соотношение с совокупностью сил: протяжённостью территории, природными ресурсами, богатствами, торговой активностью и так далее. И всё тот же Флери говорит в своих примечаниях к лекциям: «[...] протяжённость земель ничуть не влияет на величие государства, но влияет плодovitость и количество людей. Нидерланды, Московия, Турция, в чём различие? Пустынные земли вредят торговле и правительству. Лучше 500 000 человек на небольшом пространстве, чем миллион рассеянных: земля Израиля». [32] Отсюда первый объект полиции: количество людей, количественное развитие населения по отношению к ресурсам и возможностям территории, какую занимает это население; именно это Хохенталь в своём «Трактате о полиции» назовёт *coria civium*, количеством, избытком граждан. [33] И так, во-первых, количество граждан, это первый объект полиции.

Второй объект полиции: жизненные потребности. Так как недостаточно, чтобы были люди, нужно ещё, чтобы они могли жить. И следовательно, полиция занимается этими непосредственными потребностями. В первую очередь, разумеется, продовольствием, так называемыми объектами первой необходимости. Флери ещё скажет: «Государь — это отец: он кормит своих детей, изыскивает средства предоставить народу пищу, одежду, жилье, тепло. [...] Предметов, полезных для жизни, не может быть слишком много». [34] Эта цель полиции — заботиться о том, чтобы люди действительно могли поддерживать жизнь, данную им от рождения, — предполагает, очевидно, сельскохозяйственную политику: увеличивать народ деревень посредством уменьшения сборов, повинностей, обязанностей, возделывать земли, которые ещё не были возделаны, и так далее. Всё это есть у Флери. [35] Следовательно, это предполагает аграрную политику. Это предполагает также и точный контроль над торговлей продуктами, за их обращением, за запасами, которые сделаны на случай недостатка; короче, вся эта зерновая полиция, о которой я вам говорил в начале [36] и которая представляет собой, согласно Д'Аржансону, полицию, «наиболее ценную и наиболее важную для публичного строя». [37] Это предполагает, что не только за торговлей этими продуктами будут наблюдать, но также и за их качеством на момент продажи, их хорошим качеством, за тем, чтобы они не были испорчены, и так далее.

И тем самым мы касаемся третьей цели полиции после количества людей, жизненных потребностей, касаемся проблемы здоровья. Здоровье становится объектом полиции в той мере, в какой здоровье действительно является одним из необходимых условий, чтобы многие люди, существующие благодаря продовольствию и предметам первой необходимости, которые им предоставили, чтобы эти индивиды могли лучше трудиться, больше заниматься своей деятельностью. Следовательно, здоровье не будет для полиции просто проблемой в случае эпидемии, когда объявляется чума или когда речь идёт о том, чтобы изолировать заразных, например прокаженных, но теперь здоровье, повседневное здоровье всех становится постоянным объектом заботы и вмешательства со стороны

полиции. Необходимо, следовательно, заботиться обо всём том, что может способствовать болезням вообще. Это, главным образом в городах, воздух, насыщенный кислородом, проветривание, всё это, разумеется, связано с теорией миазмов, [38] и перед нами целая политика нового оснащения, нового городского пространства, которое будет подчиняться, обустраиваться в соответствии с принципами заботы о здоровье: расширение улиц, рассеивание элементов, которые могли порождать миазмы и отравлять атмосферу, мясных лавок, кладбищ, мест для бойни скота. Следовательно, вся политика городского пространства, связанная с этой проблемой здоровья.

Четвёртый объект полиции после здоровья: это как раз и будет, что касается множества людей, которые способны существовать и находиться в добром здравии, забота об их деятельности. Об их деятельности: учтём прежде всего тот факт, что они не будут праздными. Предоставить работу всем тем, кто может трудиться, — это политика по отношению к действительно бедным. Оказывать помощь только нуждающимся бедным инвалидам. И это будет также гораздо более важной заботой о различных типах деятельности, к которым люди способны, заботой о том, чтобы различные ремёсла, в которых имеется потребность, в которых государство имеет потребность, действительно практиковались, заботой о том, чтобы продукты создавались по образцу, который был бы таким, чтобы страна могла ими пользоваться. Отсюда вся эта регламентация ремёсел, которая является ещё одной целью полиции.

Наконец, последний объект полиции, циркуляция, обращение, тех товаров, тех продуктов, которые возникают в деятельности людей. И это обращение необходимо прежде всего понимать в значении материальных инструментов, которые должны быть ей даны. Следовательно, полиция занимается дорогами, их состоянием, их улучшением, судосходностью рек, каналов и так далее. В своём «Трактате о публичном праве» Дома посвящает этому вопросу главу, которая называется «О полиции» и полным названием которой является следующее: «О полиции для использования морей, рек, мостов, улиц, публичных площадей, больших дорог и других публичных мест». [39] Пространство обращения — это, следовательно, привилегированный для полиции объект. [40] Но под «обращением» следует понимать не только ту материальную сеть, которая допускает обращение товаров и в случае необходимости людей, но и само обращение, то есть совокупность правил, обязательств, ограничений или, наоборот, облегчений и поощрений, которые позволяют циркулировать людям и вещам в королевстве, а при необходимости и за его границами. Отсюда эти типичные правила полиции, одни из которых запрещают бродяжничество, другие облегчают циркуляцию товаров в том или ином направлении, а третьи препятствуют тому, чтобы квалифицированные рабочие могли перемещаться по отношению к своему рабочему месту или главным образом могли покидать королевство. Вся эта область обращения и становится после здоровья, после жизненных потребностей и объектов первой необходимости, после самого населения объектом полиции.

Вообще говоря, то, чем полиция намеревается управлять и что образует её главный объект, — это все формы, скажем, сосуществования людей друг с другом. Это тот факт, что они живут вместе, что они воспроизводят себе подобных, что они имеют потребность, каждый свою, в определённом количестве пищи, в воздухе для дыхания, жизни, существования, это тот факт, что они работают рядом друг с другом, занимаются различными или сходными

ремёслами, это также тот факт, что они находятся в пространстве циркуляции, это (если использовать слово, являющееся анахронизмом по отношению к рассуждениям того времени) вся та разновидность социальности, которую полиция должна принять под свою ответственность. Теоретики XVIII века скажут об этом: то, чем полиция занимается, — это, в сущности, общество. [41] Но уже Тюрке де Майерн говорил, что призвание людей — он использует какое-то другое слово, не «призвание», но я его запомнил, — состоит в том, чтобы объединяться друг с другом, взаимодействовать друг с другом, и именно это «общение», «обеспечение и поддержка» этого общения и является предметом забот полиции. [42] Сосуществование и общение людей друг с другом — это в конечном счёте и есть та область, которую должна охватывать та *Polizeiwissenschaft* и тот институт полиции, о котором говорили люди XVII и XVIII столетий.

То, что таким образом охватывает собой полиция, — это огромная область, о которой можно сказать, что она простирается от жизни до чего-то большего, чем жизнь. Иными словами, полиция должна удостоверяться, что люди живут, и живут во множестве: полиция должна удостоверяться, что у них есть на что жить и, следовательно, они не будут умирать в чрезмерном количестве. Но вместе с тем она должна удостовериться, что всё то, что в их деятельности может превысить порог простого выживания, что всё это было произведено, распределено, размещено, запущено в обращение так, чтобы способствовать силе государства. Короче говоря, в экономической, социальной системе, можно даже сказать, в этой новой антропологической системе, которая устанавливается в конце XVI и в начале XVII века, в этой новой системе, которая руководствуется уже не простым императивом «жить, а не умереть», а вот каким: «жить и действовать немного лучше, чем просто жить», как раз и появляется полиция как совокупность техник обеспечения того, чтобы жизнь, деятельность, сосуществование, общение людей эффективно претворялись в силу государства. Полиция — это совокупность действий и средств, обеспечивающих эффективную полезность просто жизни, чуть лучшей жизни, сосуществования для накопления и увеличения сил государства. Следовательно, не имеем ли мы в лице полиции круг, который, начинаясь с государства как силы рационального и расчётливого вмешательства в дела индивидов, возвращается к государству как к совокупности возрастающих или призванных расти сил? И через что этот круг проходит? Через жизнь индивидов, которая теперь просто как жизнь представляет собой ценность для государства.

В сущности, жизнь людей и прежде была присвоена, ведь король, суверен был тем более могущественным, чем больше у него было подданных. Но теперь круг проходит не только через жизнь индивидов, а ещё и через нечто лучшее, чем просто жизнь, через нечто большее, чем жизнь, то есть через то, что в ту эпоху называют удобством, радостью или благополучием. То есть этот круг вместе с тем, что он предполагает, является причиной того, что полиция должна суметь сомкнуть друг с другом силу государства и благополучие индивидов. Это благополучие как нечто лучшее, чем просто жизнь индивидов, именно она должна быть в каком-то смысле изъята и преобразована в государственную пользу: превратить счастье людей в нечто полезное для государства, превратить счастье людей в силу самого государства. Именно поэтому вы найдёте во всех этих определениях полиции, к которым я только что обращался, один элемент, который я заботливо отложил в сторону и который и является счастьем людей.

Вы находите, например, у Деламаара утверждение, что единственная цель полиции «состоит в том, чтобы привести человека к более совершенному блаженству, которым он мог бы наслаждаться в этой жизни». [43] Или также Хохенталь, чьё определение полиции я вам уже цитировал, [44] но только в его первой части, — Хохенталь говорит, что полиция — это совокупность средств, которые обеспечивают «reipublicae splendorem, величие республики, и externum singulorum civilitatis felicitatem, и внешнее процветание каждого из индивидов». [45] Величие общества и процветание каждого. Я возвращаюсь к фундаментальному определению фон Юсти, которое, ещё раз, является более ясным и более связным, более аналитическим. Фон Юсти говорит следующее: «Полиция — это совокупность законов и правил, которые касаются внутренней жизни государства, которые нацелены на укрепление и увеличение его могущества, на правильное использование его сил» — это я вам уже цитировал — «и наконец, на дарование счастья подданным». Укреплять и увеличивать могущество государства, находить верное применение силам государства, даровать счастье подданным» [46] — именно в этом сочетании и заключается специфика полиции.

Есть одно слово, которое ещё лучше, чем слова «радость», «удобство», «благополучие», обозначает то, чем занимается полиция. Это слово редко встречается до конца XVIII века. Однако оно употребляется в начале XVII века и, как мне кажется, в очень необычном значении, и хотя затем исчезает из французской литературы, вы увидите, какой отзвук оно будет иметь и как оно приведёт нас к целому ряду абсолютно фундаментальных проблем. Это слово мы находим в книге Монкретьена «Политическая экономия». Монкретьен пишет: «В сущности, природа может нам дать лишь бытие, но благоденствие мы получаем из дисциплины и искусств». [47] Дисциплина, которая должна быть одинаковой для всех, значение, которое имеет для блага государства тот факт, что все живут хорошо и счастливо, и искусства, которые после грехопадения были необходимы, чтобы дать нам — я опять цитирую — «необходимое, полезное, благопристойное и радостное». [48] Итак, всё, что простирается от бытия до благоденствия, всё, что может дать это благоденствие помимо бытия, всё, чем благоденствие индивидов может способствовать силе государства, всё это, как мне кажется, и является целью полиции. (Фуко добавляет в рукописи: «Благо, которое присутствовало в определении управления у святого Фомы (делать так, чтобы люди приходили к возможности достичь высшего блага), полностью изменяет смысл». — Прим. ред.)

Ну хорошо, с одной стороны, я опоздал, но с другой стороны, четверти часа мне в любом случае недостаточно, чтобы закончить то, что я вам хочу сказать. Тогда — это будет вторая плохая новость — я намерен прочитать вам ещё одну лекцию на будущей неделе, в среду, где я попытаюсь, на основе этого общего определения полиции, рассмотреть, как его критиковали, как от него отказывались в XVIII веке, как могла появиться на свет политическая экономия, как из неё вышла специфическая проблема населения и как завязалась эта проблема «безопасность и население», о которой я вам уже говорил в прошлый раз. Тогда, если это не доставит вам неприятностей... В конце концов, так или иначе я эту лекцию прочту, и, поскольку никого из вас не заставляют там присутствовать, поступайте как хотите...